

12. Смирнягин Л. В. Актуальна ли проблема асимметрии в современной России? // Федерализм и этническое разнообразие в России: сб. ст. М.: Рос. политическая энциклопедия, 2010. С. 44–60.

13. Чжэн Кай. Национально-территориальная автономия в Китайской Народной Республике: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

14. Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран. М.: Юристъ, 2007.

15. Чистяков О. И. Избранные труды. М.: Норма, 2008.

MODERN RUSSIAN FEDERALISM AND THE PROBLEM OF POLITIZATION OF THE ETHNICITY

VASILCHENKO Valery A., Cand. Sci. (Religious Studies, Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture),
Assoc. Prof., Department of Philosophy,
North-Caucasian Federal University, Stavropol, Russia
E-mail: albinosvchernom@rambler.ru.

The article presents the analysis of the main ideas of the concept of national and cultural autonomy as well as its advantages in comparison with the theory of federalism. The fundamental problems of the concept are defined too. Also the certain examples of its provisions implementation in the contemporary Russian federal states practice are investigated.

Keywords: territorial autonomy, national and cultural autonomy, federalism, a federative state, ethnicity, politicization of ethnicity.

И. А. Аполлонов*

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЭТНИЧЕСКОГО ПАРАДОКСА СОВРЕМЕННОСТИ**

Целью статьи является рассмотрение экзистенциальных оснований этнического парадокса. Обосновано, что обращение к этническим формам культуры связано с попыткой человека обрести онтологическую почву собственной жизни. Проанализирована противоречивая природа этнокультурной идентичности, которая способствует обретению как духовности, так и лжедуховности.

* АПОЛЛОНОВ Иван Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар, Россия. Электронная почта: obligo@yandex.ru.

** Исследование выполнено в рамках реализации госзадания № 10.7079.2013 «Исследование мотивации и разработка системы стимулов формирования толерантности студенческой молодежи».

Ключевые слова: личностная идентичность; этнокультурная идентичность; этнический парадокс; нормальность; духовность.

Актуальность исследований феномена национальной идентичности связана с происходящими во многих странах процессами национального возрождения. Вместе с тем проблематичность данного феномена наиболее ярко проявляется в контексте происходящих в мире социокультурных процессов, получивших по меткому замечанию Ю. В. Бромлея, название «этнический парадокс». Современный мир характеризуется возрастанием темпов системной интеграции в информационной, экономической, культурной и даже политической сферах. Казалось бы, все это должно привести постиндустриального человека к идеалу космополитизма, следующего универсальному разуму и общечеловеческим ценностям. Однако, вопреки футуристическим прогнозам «Конца истории» (Ф. Фукуяма), «Реквиема по этносу» (В. А. Тишков), «Сужения социального» (Ж. Бодрийар) современность характеризуется усилением роли этнического фактора, повышением значимости этничности в самосознании современного человека.

С одной стороны, актуализация этнического фактора может рассматриваться как закономерный момент мировых интеграционных процессов, в качестве их «детской болезни». Ведь многократное повышение мобильности людских ресурсов и, соответственно, резкое увеличение миграционных потоков ведет к ощутимой деформации сложившегося этнокультурного пространства многих стран и областей. При этом для людей, оторванных от своей привычной среды, естественно объединение по национальному признаку и, соответственно, повышение значимости этого признака. А сплочение национальных диаспор, в свою очередь, является толчком к повышению этнического самосознания и значимости собственной культурной самобытности у коренного населения. При этом очевидно, что логика подобного контекста актуализации этничности построена на конфронтации (по принципу «мы – не они»), и несет в себе мощный конфликтогенный потенциал.

И отсюда рассмотрение этничности как болезни незрелого посттрадиционного общества, симптомы которой будут изживаться по мере обретения им стабильности и устойчивости. Этничность при этом сворачивается до приватной семейной сферы или же, откликаясь на глобальные потребности в экзотике и культурной «различности», коммерциализируется, становясь

органическим элементом общества всеобщего потребления. В данном контексте зачастую происходит сознательное конструирование этническим меньшинством своей культурной презентации, определенного «бренда», который призван утвердить собственное своеобразие и претендовать на соответствующие права внутри мультикультурного общества. Такая тенденция ведет к появлению квазитрадиционных обществ, культурные формы которых носят искусственный, игровой характер [7]. Порой происходят попытки сконструировать и вовсе псевдоэтнические общности, такие, как паданцы, для исторического обоснования которых идеологи сепаратизма итальянской «Северной лиги» обращаются аж к кельтскому населению долины реки По в позднеантичные времена.

Однако есть и другой аспект «этнического парадокса». Он проявляется, в частности, в тяге к своим корням представителей этнических групп, входящих в «большие» европейские нации (каталонцы в Испании, фризы в Голландии, аквитанцы, эльзасцы, бретонцы во Франции, валлийцы в Англии, русины в Германии и т.д.); теми, кто эти корни частично или полностью утратил. К примеру, увеличивается число людей, говорящих на каталонском или на валлийском языках, которые еще недавно рассматривались как вымирающие. К этому же аспекту можно отнести феномен, который американские социологи называют «национализм третьего поколения», когда активный интерес к своим этническим корням проявляют «американцы от рождения», внуки иммигрантов, которые предпочли своей стране благополучную Америку, дети тех, кто хотел забыть о своем происхождении, чтобы стать «обыкновенным средним американцем» [1, с. 21]. В европейских странах с высоким уровнем иммиграции происходят аналогичные процессы.

Здесь уже нельзя говорить об этничности лишь как о факторе социальной адаптации и факторе устойчивой групповой поддержки человека в социально-экономической или политической конкуренции. Ведь такое сопротивление ассимиляции или же вовсе диссимилятивные тенденции, сознательный отказ от «растворения» в общей массе наоборот, скорее снижают адаптивно-конкурентные возможности в социально-экономическом и политическом пространстве «большой» нации.

Таким образом, феномен этнического парадокса, помимо защитных и адаптационных факторов экономического и политического характера, имеет и экзистенциальные причины, обращенные к бытийным основаниям человека как социаль-

ного существа. Такое обращение является ответом на тенденцию к деконструкции человека в контексте современной массовой культуры общества всеобщего потребления. Подобная деконструкция, которая находит свою концептуализацию и идеологическое оправдание в философии постмодернизма, направлена на разрушение традиционной культуры как системы ограничений, построенных на «тысяче запретов» [2, с. 9], норм, правил и истин, которые и создают «определенность формы, в которой люди на деле готовы практиковать сложность» [3, с. 173]. Деконструкция призвана разорвать смысловую структуру во все ширящийся контекст, в котором отдельные значения становятся неопределенными, что открывает возможность бесконечной перспективы различных смысловых перестроений отдельных элементов структуры в разнообразных языковых играх. При этом денотанты имен все чаще рассматриваются как симулякры – означающие, отсылающие к другим означающим. Тем самым разрывается связь мышления, языка и сущего. В итоге выпавший из социокультурного пространства человек перестает быть человеком, что и констатировали М. Фуко, рассуждавший о смерти субъекта, и Р. Барт, заявлявший о смерти автора. Человек рассматривается как непрерывный поток становления и изменения, момент коммуникации с другими людьми. Многообразие форм его деятельности порождает многообразие жизненных миров и соответствующих норм, что предполагает децентричность самого индивида [4, с. 323]. При этом индивидуальность рассматривается как множасься совокупность различий, и личность человека оборачивается личиной, набором масок, совокупностью социальных ролей, каждая из которых условна, проявляется в определенном контексте и зависит от него. Ослабевание нормативно-ценностных доминант традиционной культуры открывает путь индивидуального произвола, построенного на иррациональной энергии желаний.

Таким образом, деконструкция, призванная освободить человеческую индивидуальность от репрессивных структур общественного бытия, напротив, ведет к растворению этой индивидуальности во всевозможных формах массового сознания и массовой культуры, эксплуатирующих сферу желаний и устремлений человека. Тем самым размываются бытийные основания человека. И обращение к этнической общности с имманентной ей предзаданностью основ социального мироустройства и общих жизненных ценностей [6, с. 13] связано с попыткой обрести онтологическую почву собственной жизни, ее цель-

ности, вбирающей совокупность жизненных ролей и правильности, подлинности собственного существования.

Ощущение этничности как чувство внутренней самоидентичности (я есть я) – в соотнесенности с «мы», в чувстве причастности к этнической группе. И с такой причастностью к народу связан особый ракурс бытийной полноты личности: того «Ты», вернее, «Мы», которое дополняет «половинность» собственного «Я», определяет причастность к Вечности, прошлому и будущему, которые превышают мою индивидуальную темпоральность.

Ощущение собственной причастности к «мы» помещает представления об обыденности течения жизни в горизонт нормальности. Формирование этого горизонта связано с интериоризацией представлений о должном и образцовом в поведении человека и взаимоотношениях между людьми, того, что представляет собой социальный код этнической традиции. Однако личностное освоение подобного кода происходит в результате осмысления этих представлений в повседневной жизненной практике, которое и порождает человека не просто как этнофора – носителя определенных свойств этнической культуры, но как субъекта этнической общности.

Нормальность не тождественна представлениям об обыденности, поскольку предполагает первичную оценку этих представлений: обыденность в отдельных своих аспектах, а порой и в существенных чертах может рассматриваться как ненормальность. Вместе с тем нормальность не может быть редуцирована к собственно нормам и социокодам, поскольку личностная значимость последних, в свою очередь, оценивается в ходе непосредственной жизненной практики. Именно при таком преломлении взаимооценивания представлений об образце (как должно быть) и обыденности (что есть в наличии) формируется личностный горизонт нормальности.

В свою очередь, подобное взаимооценивание предполагает определенную ценностную шкалу, которую нельзя свести (по указанным выше соображениям) к культивируемым в обществе нормативам и образцам, составляющим определенный культурный код, но вместе с тем сложно вывести и из досоциального содержания индивида. Основания ценностных интенций, на наш взгляд, коренятся все в том же чувстве принадлежности к этносу, но уже не на смысловом, а на экзистенциальном уровне, открывающем человеку глубинную сущность собственного существования. В этом чувстве аккумулируется важность при-

частности к чему-то большому, привычному, своему и поэтому интуитивно правильному, то есть обладающему большей силой и большим моральным авторитетом, нежели я и мои мнения.

И здесь принадлежность к этническим формам культуры разворачивается в особый Логос как поле для осмысления того, что представляет для человека «быть собой», его самотождественность, поле, втягивающее его в диалог и экзегезу, раскрывающие смыслы тех форм «культурного генома», к которому он принадлежит. Подобный диалог предполагает выход на тот уровень, который оправдывает наличную фактичность национального «есть», раскрывает горизонт Правды, в котором истинность сущего соединяется с ценностью должного, правотой. В рамках этого горизонта сквозь данность социокультурных кодов, норм и образцов происходит «прорастание» духовного начала человека, устремляющего его к предельным основаниям человеческого в человеке, к тому, ради чего он есть.

Вместе с тем чувство принадлежности к этносу, в котором открываются духовные основания человеческого бытия, может обернуться симулякром псевдодуховности или даже разрушительной лжедуховностью. По меткому замечанию Д. В. Пивоварова, «лучше быть бездуховным, нежели злодуховным, т. е. одержимым злым духом» [5]. Такой оборот связан, прежде всего, с эссенциализацией народа, рассмотрением его в несобирательном смысле как единого надындивидуального организма. А это, в свою очередь, ведет к подмене этнического «есть» как целокупности реальных людей идеологическими формами «должно быть», идентификацией и одержимостью именно такими формами. Поэтому обретение подлинности человеческого существования в этнических формах культуры неотделимо от сопряжения, удержания в едином пространстве утверждения значимости человека, каков он есть, с поиском Истины человеческого бытования.

Использованная литература:

1. Акопян В. З. Георгий Матвеевич Дергульян и его размышления о национальной идентичности // Общероссийская и национальная идентичность: материалы междунар. науч.-практ. конф. 19-20 апреля 2012 г. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2012. С. 8–25.

2. Куда идет российская культура? (материалы круглого стола) // Вопросы философии. № 9. 2010. С. 3–60.

3. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1992.

4. Огурцов А. П. Постмодернистский образ человека и педагогика // Субъект, познание, деятельность. М.: Канон+ОИ «Реабилитация», 2002.

5. Пивоваров Д. В. Духовность [Электронный ресурс] // Национальная энциклопедическая служба. URL: <http://terme.ru/dictionary/183/word/duhovnost>(дата обращения: 14.11.2013).

6. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Академический проект, 1999.

7. Шандыбин С. А. Постмодернистская антропология и сфера применимости ее культурной модели // Этнографическое обозрение. № 1. 1998. С. 14–27

THE PROBLEM OF THE PERSONAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF ETHNIC PARADOX OF MODERNITY

APOLLONOV Ivan A., Cand. Sci. (Ontology and Epistemology),
Assoc. Prof., Department of Philosophy,
Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia
E-mail: obligo@yandex.ru.

The purpose of the article is to consider existential grounds of ethnic paradox. It is substantiated that appeal to ethnic forms of culture is aimed at finding the ontological soil of own life. It is analyzed contradictory nature of ethno-cultural identity which contributes to gain both spirituality and false spirituality.

Keywords: personal identity; ethno-cultural identity; ethnic paradox; normality; spirituality

М. Н. Гребенюк*

К ВОПРОСУ О СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В статье рассматриваются особенности формирования социокультурной идентичности российского общества в постсоветский период. Автор определяет идентичность как структурообразующий компонент общества, утверждая, что в период кризиса идентичности, люди в первую очередь сплачиваются с теми, у кого те же корни, вера, язык, ценности, социальные институты и дистанцируются от тех, у кого они другие.

Ключевые слова: социокультурная идентичность, политическая идентичность, самосознание.

* ГРЕБЕНЮК Маргарита Николаевна, кандидат культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры Краснодарского государственного университета культуры и искусств, г. Краснодар, Россия. Электронная почта: grebenuk117@mail.ru.